

Евг. Долматовский

СТЕПНАЯ

64.
308

ТЕТРАДЬ

.....

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

СТЕПНАЯ ТЕТРАДЬ

Молодая Гвардия. 1943

Обложка художника Н. СЕДЕЛЬНИКОВА

ПОСВЯЩЕНИЕ

Пулей пробита степная тетрадь,
Стерло землю последнюю дату.
Девушкам можно стихи посвящать,
Крепче стократ посвященье солдату.
Тем посвящаю стихи, кто со мной
Ночью ползет через минное поле;
Тем, кто с рассвета — над картой штабной;
Памяти тех, кто погиб на Осколе;
Тем, кто сжимает тяжелый штурвал;
Тем, кто дружил с динамитом и толом;
Тем, кто в немецком тылу побывал,
Вышел оттуда седым и веселым;
Тем, кто идет по ложине сквозь дождь, —
С каски — ручей, плащ-палатка намокла;
Тем, кто ведет громыхающий «додж»,
Смотрит сквозь дымные, в трещинах стекла;

Тем, кто поклялся — ни шагу назад;
Тем, кто траву напоил своей кровью;
Тем, что сейчас в медсанбате лежат,
Той, что склонилась у их изголовья;
Тем, кто далекую видит Москву
В каждой отбитой у немцев станице;
Тем, для которых дышу и живу
Жизнью, свои миновавшей границы;
Тем, в чьих глазах только ярость и месть;
Тем, кого знаю, а может, не знаю;
Тем, кому некогда их прочесть, —
Эти стихи посвящаю.

Стенная тетрадь

СЕНОКОС

Пришла пора цветов и трав,
Шумит лесов зеленых пена.
Коней у Дона расседлав,
Кавалеристы косят сено.
Они проходят по лугам,
В рубахах, веселы и босы.
Короткий отдых дан клинкам,
Сегодня разгулялись косы.
Роняют на землю красу
Ромашка и медовый донник.
Качая косы на весу,
За конником проходит конник.
Весь год промаявши беду,

С косою и лемехом в разлуке,
Истосковались по труду
Крестьянские большие руки.
Стараясь утолить тоску
О будничном и о великом,
Ложатся, как по гребешку,
Фацелия и повилика.
Порою вздрагивает сонь
От эха дальнего разрыва.
Привязанный в дубраве конь
Копытом бьет нетерпеливо.

СТАНИЦА

Под луною земля серебрится.
Спят гвардейцы в задонской станице.
Шевелится и шепчется стог.
Что вам снится тревожной порою?
Дагестанцу — аул под горою,
Украинцу — разбитый порог,
А грузину — кипящая речка,
А еврейскому парню — местечко,
Что зловещей рукой сожжено,
Северянину — крепкие срубы,
Русы косы, упрямые губы,
Старой матери веретено...
Снова снится казаху кочевье,
А рязанцу — изба и деревня,
А таджику — горячий кишлак,
Мне — мой город в военной одежде,

В наши степи смотрящий в надежде,
Вдохновитель суровых атак.
Да, друзья, словно в книге страницы,
Сплетены мы в задонской станице,
За нее мы вступили в бои,
В ней сроднились днепровские лозы,
Подмосковья сквозные березы
И кавказских потоков струи.
Под раскаты далекого гула
После боя станица уснула.
Сено шепчется под головой.
И под лунным холодным пожаром
Лишь не спят командир с комиссаром
Да глядящий во мглу часовой...

НА ОСКОЛЕ

Л. Первомайскому

Мой старый друг! Сегодня нам обоим
Спать в поле головою к голове.
Еще дыша недавним душным боем,
Лежим на остывающей траве.
Вдали идут, гремя, автомобили.
Передний край окуривает дым.
Давно мы по душам не говорили.
Не надо спать. Давай поговорим.
Мой дом не занят, и семья далеко, —
Где светят тихие огни востока.
По-разному ль гремит для нас война?
Ты думаешь, что я не понимаю

Твоей тоски по занятому краю,
Где дом твой был, родная сторона?
Нет! Нас с тобой навеки породнила
Грохочущая линия огня
И третьего товарища могила,
С которым познакомил ты меня.
Ты знаешь, друг мой, снятся мне все чаще
Не те березки, где я жил и рос,
А круглые житомирские чащи,
Долины маков и днепровский плёс.
Мы не изменим нашей старой дружбе.
Одною мерою нам все дано:
Буханка хлеба, форма и оружие,
Одна тоска и мужество одно.
Дай руку мне, товарищ мой угрюмый.
Поют над нами ИЛ'ы, как труба.
Гляди вперед. И никогда не думай,
Что разная у нас с тобой судьба.

ДВОЕ

Про труса и про храбреца
Послушай мой рассказ:

В окопе были два бойца,
На фронте — в первый раз.

И коль по правде рассказать,
То есть на свете страх,

И вовсе не легко лежать
От немца в трех шагах.

Но думал в этот час один, —
Он был угрюм и нем, —
Каких больших земель он сын,
Кому обязан всем.

Он думал: «Вот моя рука
Течет, как русская река.

Вот крепкая моя спина,
Равниной кажется она.

Плечо — винтовочный упор —
Похоже на начало гор».

Он думал: «Жизнь свою любя,
В решительном бою
Я защищаю, как себя,
Всю родину свою».

Дрожащей жадною рукой
Себя ощупывал другой.

Он думал: «Это мой живот
Осколок мины разорвет.

Мое, мое, мое плечо
Зальется кровью горячо,

Моя, моя, моя рука
Почувствует удар штыка».

А немцы лезли по бугру,
Пожалуй, целый взвод.
Как мечется больной в жару,
Метался пулемет.

Но тот, кто страх переборол,
Молчавший до сих пор,
Стал весел, говорлив и зол
И бил врага в упор.

Другой сухие губы сжал,
Поднялся вдруг и побежал.

Назад, куда-нибудь назад,
Назад, куда глаза глядят...

Рванулась мина рядом с ним,
Смешались кровь, земля и дым.

Но, окружен со всех сторон,
Не побежал другой.
Последний он дослал патрон.
Усталую рукой.

Потом он выбросил подряд
Пяток осколочных гранат.

Разрывов улеглись кусты.
Он увидал: поля пусты,
Вокруг трава стоит торчком,
Враги валяются ничком.

Повеял ветерок сырой
И горький чуть на вкус.

Так обретает жизнь герой
И погибает трус.

БАЙРОН

Я давно не заглядывал в книги.
Разыскать бы мне книгу одну
Про поэта на парусном бриге,
Про Эгейского моря волну.

Как страницы, листаются волны,
Затевают дельфины игру.
Озаряет мерцание молний
Гордый профиль и плащ на ветру.

Об оставленном думать не надо:
Он свободного племени сын.
Перед ним голубая Эллада,
Белый камень великих руин.

Он печаль свою сменит на радость,
Будет песни по-новому петь.
Чтобы эта страна не сдавалась,
Нужно жить и легко умереть.

Время бурям и грома раскатам.
Ждет тебя, задыхаясь, земля,
Новый Байрон, в плаще, с автоматом,
На железном борту корабля.

Ворошиловградская область.
Июнь 1942 г.

ФОТОГРАФИЯ

Когда сказали: «Мы окружены,
Нам нужно с боем выйти до рассвета»,
Он вынул фотографию жены
Из левой створки жесткого планшета.

И, затянувшись дымом, осветил
Отсветом золотистым папироски
Овал лица, что бесконечно мил,
И рядом с нею мальчика в матроске.

Тут завертелось все, пошло вверх дном
Вода кипела в горле пулемета.
Неся мечту о самом дорогом,
На танки шла отчаянная рота.

Вздымались к небу красные столбы,
Гремели и ползли стальные слизи.

Ему казалось — этот час борьбы
Короче смерти был и дольше жизни.

Он шел и знал, что жизни нет конца,
Пока полны спокойствия и силы
Любимые черты ее лица,
Далекий, словно юность, образ милый.

Когда назад противник повернул
И пятый танк в лощине загорелся,
Он вновь планшета кнопки отстегнул
И снова в фотографию всмотрелся.

ВПДЕНЬЕ

Г. Фельдману

Полынною, густой и душной степью
Мы едем ночью на грузовике.
Знакомую, заманчивую цепью
Опять огни мерцают вдалеке.

Как будто это город довоенный
Стоит и светится во весь свой рост
И разговаривает со вселенной
Падением трассирующих звезд.

Но запах гари, смешанный с туманом,
Иную горечь придает огню.

Далекий город снова стал обманом —
Горят хлеба и травы на корню.

Сурово обрывается виденье:
Толчок колес и памяти прыжок.
И снова бой, и ненависть, и мщенье,
И смерть тому, кто эту степь поджег.

Опять бугры, прохладные низины,
Пыль на зубах и накипь возле ртов...
Ревут американские машины,
И мы сидим на скамьях, вдоль бортов.

Забвением память сердца не обидим.
Мы выдюжим военные года,
И так же будем ехать. И увидим
Светящиеся наши города.

Когда-нибудь в этой степи пройдет
Девушка в голубом,
Заметит заросший окоп и найдет
Дымные гильзы в нем.

Дальше пойдет, собирая цветы...
Ступит ее нога

На ржавые стальные листы,
Бывшие танком врага.

Поймет она, какая война
В этих степях прошла,
Как мы сражались, чтобы она
Цветы собирать могла.

В осажденном городе

СТАЛИНГРАД

А. Родимцеву

Его мы любили таким —
Просторным, цветущим и стройным,
Веселым, стеклянным, сквозным,
Трудящимся, чистым, спокойным.

Казалось, в нем все города
Сошлись показать свою прелесть.
Его отражала вода,
И песни над Волгою пелись.

Подстриженный солнечный сад
Мы тракторным звали заводом.
Степной богатырь-Сталинград,
Как в сказке, светлел с каждым годом.

К нему подступила беда
Нежданно, как к горлу рыданье.
Забыть ли то утро, когда
Их танки прошли по окраине?

Он с воздуха весь разнесен,
Обстрелом с земли изувечен,
Разгромлен... И все-таки он
Незыблем в душе человеческой.

Мы любим наш город таким —
Суровым, бесстрашным и твердым,
Разбитым, сгоревшим, ночным,
Несчастливым и все-таки гордым.

В сраженьи за город родной
Достанется право любить нам.
За каждую комнату — бой.
За каждую улицу — битва.

Нет, сердцу мириться нельзя
С обугленной черною тучей.
И только закрою глаза,
Вновь вижу я город цветущий.

Словам не изменим своим.
Пусть бой беспощаден и страшен.
Наш город! Ты будешь таким —
Просторным, прозрачным, живым,
Прекрасным, как в памяти нашей.

БАРРИКАДА

Прощай, моя радость,
И плакать не надо.
На улице, рядом
Нас ждет баррикада.

Вливаются пули
В угрюмый булыжник,
В комоды и стулья
Из домиков ближних.

Не знают покою
Сегодня мушкеты,
Колочей щекою
Приклады согреты.

На улице этой,
Я помню, жила ты,
И ветры рассвета
Здесь были крылаты.

Здесь в «классы» играла,
И бегала в школу,
И звезды считала
С мальчишкой веселым.

И снова тревога,
Сраженье... Однако —
Не мало, не много —
Шестая атака.

Атаку отбили, —
За светлые дали,
За дом, где любили,
Смеялись, страдали.

Мальчишка, с которым
Ты звезды считала,
С тускнеющим взором
Ложится устало.

Сестра наклонилась —
Завяжет, поможет.
(Иль это приснилось,
Что так вы похожи?)

И память в дыму,
И расколота каска,
И больше ему
Ни к чему перевязка.

А вдруг подрастала
В другой стороне ты,
Не эти кварталы
Тобою согреты?

Быть может, не знаю, —
И помнить не надо.
Ведь я защищаю
Твою баррикаду.

Дома за спиною
Дымят, догорая.

Ты здесь, ты со мною,
Моя дорогая.

БОРЬБА ЗА КОМНАТУ

У нас с тобою, правда, не квартира —
Студенческая комната была.
Стоял диван. Висела карта мира.
В углу, в коляске, девочка спала.

Мы говорили — скоро переедем
На новые просторные места,
А эту площадь отдадим соседям, —
Смешная довоенная мечта!..

...Вокруг углы ощерились, как волки,
И обвалилась лестница в огне.
Фарфоровые слоники на полке
Остались на единственной стене.

Но комната — она цела покуда.
Стальными балками завален вход.
Немецкий автоматчик бьет оттуда —
Стрельнет, затихнет и опять стрельнет.

Он воду пьет из Галинькиной кружки
И, разорвавши карту на куски,
Себе под локти положил подушки,
Где сохранился след твоей щеки.

Напротив есть оконце слуховое,
Его еще не тронула беда.
Не замечая грохота и воя,
По рваным крышам я ползу туда.

Уж целый час наш поединок длится,
А немец все сидит в моем дому.
Не день, быть может, год придется биться,
Но комнаты я не отдам ему!

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ

Лучшее, что в городе есть,
Ему обещали дать.
Что не успеешь на месте съесть,
Можешь домой послать.

Найдешь молоко — твое молоко,
Найдешь плоды — забирай.
...А город лежал над великой рекой,
Отражаясь из края в край.

Был в сером мундире незванный гость,
В руках — автомат стальной.
Город снился ему, как собаке кость,
И рот исходил слюной.

Чистая девушка в городе есть.
Агу! Захвати ее!

Тебе ее достанется честь,
Жене отошлешь белье.

А в городе нашем каждый порог
В грядущее звал и вел,
И был посажен каждый цветок
Детьми из просторных школ.

Поэтому в городе голубом
Каждый камень стрелял,
Штыком ощерился каждый дом,
Снарядом — каждый квартал.

В степи, за Тракторным, есть бугор —
Желтый осенний вид.
С жизнью закончив нечестный спор,
Гость там ничком лежит.

Ветры осенние, в даль пыля,
Грязью набили рот.
Гостеприимна эта земля —
В гости навек берет.

Подруги

ПОДРУГИ

Ты просишь, чтоб не про войну
Я написал на этот раз...
Ну, что ж, попробую. Начну:
Я знаю девушку одну,

О ней послушай мой рассказ.
Давай мечтать... Пройдет война,
Замолкнет медная труба.
Уедет девушка от нас.
Какую жизнь найдет она,
Как сложится ее судьба?
Быть может, майским синим днем,
Когда акации цветут,
Перед распахнутым окном
С веселым юношей вдвоем
Она останется, — и тут
Увидит он, что не погас
В ее зрачках огонь беды
И накопились возле глаз
Морщинок робкие следы.
Я знаю, он не скажет ей,
Но мысль жестокая мелькнет,
Что горек след военных дней,
Что есть моложе и стройней,
И юность коротко цветет.
Не девушку мне будет жаль,
А юношу. Когда б он знал,
Как старит воющая сталь...
Не знает, так поймет едва ль,
Как жалок он пред ней и мал.
А мы видали на Дону,
Как с ношей девушка плыла.
«Он ранен. Он пойдет ко дну,

Не дотяну... Не дотяну...»
Но дотянула и спасла.
Вода ручьем с нее текла,
На плечи падал первый снег...
Когда она бойца несла,
Такой красивою была,
Что не забудется вовек!
Случалось быть в таких местах,
Где пуля ищет твой висок.
Без спроса в сердце входит страх.
И вдруг, затерянный впотьмах,
Услышишь женский голосок.
Связистка с трубкою сидит:
«Ольха... Ольха... мой позывной»,
Придет на смену страху стыд,
Отвага в сердце закипит,
И снова мужество со мной.
Навеки в памяти бойца
Она прекрасна и чиста,
И для соратника-бойца
В простых чертах ее лица
Не увядает красота.
Прости, я обещал тебе
Не про войну вести рассказ.
Но мы в огне, но мы в борьбе,
И места нет другой судьбе,
И песен нет других у нас.

ИЮНЬСКОЕ ПИСЬМО

Дорогая моя! Снова жаркое лето,
Канонада и грозы, огонь и цветы.
Я несу сквозь бои ощущение, что где-то
Есть далекая, близкая, верная — ты.
Мы встречаем двенадцатый раз новолунье.
Как оружие, мы память любви бережем.
Прошлогоднее двадцать второе июня
В нашей жизни железным легло рубежом.
С той поры расставанья мы стали иными.
Ветер нежности бурей ярости стал.
Но твое золотое обычное имя
Я, сквозь грохот сражений не раз повторял.
Хорошо, что морщин на лице моем меньше,
Чем дорог, по которым пройти довелось.
Видя слезы детей и страдания женщин,
Злостью сердце мое пропиталось насквозь.
Ты таким, дорогая, меня и не знала,
Но, я верю, не хочешь увидеть иным,
Чем идущим по черным осколкам металла
И несущим свободу сквозь пламя и дым.
Если ж выйдет, что мне приготовлена тризна, —
О, победе последнюю песню спою.
Мы узнали, как дорого слово отчизна,
Не на празднике прежнем — в жестоком бою.
Как упорство и смелость, как вера в победу
Ты со мною. Далекая — близкая ты.
Год войны отгремел. Снова жаркое лето.
Канонада и грозы, огонь и цветы.

Июнь 1942

ПАРТИЗАНБЕ

Московский день, торжественно обуглясь
На дальних крышах, медленно погас,
И повернул тяжелокрылый «Дуглас»
Свой марсианский пулеметный глаз.

Слилась с землей полоска горизонта.
Что ж сердце вдруг сжимается в груди?
То линия пылающего фронта,
Наверное, осталась позади.

Людей не видно — темная кабина,
Лишь ползают приборов светляки.
Тот край, куда летишь ты, не чужбина,
Туда с востока движутся полки.

Но по лесам сейчас бушует вьюга,
И села нянчат горькую беду.
Теперь не скоро встретим мы друг друга,
Но я с боями до тебя дойду.

И вот, когда мы встретимся с тобою,
Поверим мы той истине простой,
Что счастье на земле берется с бою
И лишь тогда становится судьбой.

Разговор Волги с Доном

РАЗГОВОР ВОЛГИ С ДОНОМ

Слышал я под небом раскаленным,
Через сотню верст, издалека,
Разговаривала с синим Доном
Волга-мать река.

«Здравствуй, Дон, товарищ мой старинный.
Знаю, тяжело тебе, родной.
Берег твой измаялся кручиной,
Коршун над волной.

Только я скажу тебе, товарищ,
И твоим зеленым берегам:
Никогда, сколь помню, не сдавались
Реки русские врагам».

Дон вдали сверкал клинком казачьим,
Отвечает Волге: «Труден час,
Горько мне теперь, но я не плачу,
Слышу твой наказ.

Русских рек великих не ославим,
В бой отправим сыновей своих,
С двух сторон врагов проклятых сдавим
И раздавим их».

Волга Дону громко отвечала:
«Не уйдет противник из кольца,

Будет здесь положено начало
Вражьего конца».

Темным гневом набухают реки,
О которых у народа есть
Столько гордых песен, что вовеки
Их не перечесть.

Реки говорят по-человечьи,
Люди, словно волны, в бой идут.
Немцы на широком междуречьи
Смерть свою найдут.

Бой кипит под небом раскаленным.
Ни минуты передышки нет.
Волга разговаривает с Доном,
Дон гремит в ответ.

Станица Перекопская.
Август 1942 г.

УРАЛЬЦЫ

Бой гремел за синей лентой Дона.
Бились до последнего патрона.

Замерли затворы автоматов.
Встал над боем лейтенант Филатов.

Крикнул: «Дальше отступать не можем!»
И кинжал свой выхватил из ножен.

Нож десантный, с рукоятью пестрой,
Закаленный, масляный и острый.

И гвардейцы выхватили тоже
Темносиние клинки из ножен.

Прожужжали вражеские пули,
А в ответ одни клинки сверкнули.

Шли бойцы в одном порыве воли,
Резали, рубили и кололи.

Вечером враги во рву лежали,
А гвардейцы чистили кинжалы.

Видно, из одной и той же стали
И кинжалы и людей ковали.

НАШИ

К. Потанову

Как тяжело, когда их долго нет,
А «Юнкерсы» подходят, повторяя:
«Везу-везу-везу»... Скорей в кювет:
Уже свистит одна, за ней вторая
И третья... Грохот черный и тупой.
Коль пуль не достанешь злые «крылья,
Весь съежишься от ярости слепой,
От ошущенья своего бессилья.

Наш батальон к сухой земле прильнул,
Песок сбегает струйкой по откосу.
И вдруг с востока нарастает гул,
Уверенный, родной, ровноголосый.
Они идут на гордой высоте,
И нежным небом и землей любимы,
Стремительные, близкие мечте,
Поблескивая стеклами кабины.
И с каждым оборотом их винта
В себе мы слышим силы нарастанье.
Теперь под солнцем боя суета
Завертится чайниками в стакане.
Зенитки замолкают вдалеке,
И в жизни нет прекраснее момента:
Вот «Юнкерс» не выходит из пиже
И падает, горя, как кинолента.
Мы рукоплещем и кричим: «Готов!»
Смеются лица, серые от пыли.
Сегодня нас, как соколы птенцов,
Они своими крыльями прикрыли.

Калач на Дону

ЧАСОВОЙ

Часовой стоит на мосту,
Часовой стоит на посту.

А бревенчатый мост бомбят
По двенадцать часов подряд.

**«Юнкерс», воя, идет в пижке,
Поднимая столбы в реке.**

**Желтым смерчем летит песок,
Неба крутится колесо...**

**Вновь летят и бомбят опять.
Здесь и камню не устоять.**

**Часовой стоит на посту,
Часовой стоит на мосту.**

**Вихрь срывает с него шинель,
Но боец не уходит в щель.**

**Он не может оставить пост,
Он стоит, не согнувшись, в рост.**

**Снова блеск черно-желтых крыл.
Снова «Юнкерс» вверху завыл.**

**Часовой стоит на мосту,
Часовой стоит на посту.**

САНИТАР

**Вдали гроыхают тяжелые танки,
Смертельная ходит гроза.**

**Под крепким прохладным накатом землянки
С трудом открываю глаза.**

Струятся у выхода из палатки
Осеннего солнца лучи.

Лекарственный запах, тяжелый и сладкий,
И в шапочках белых врачи.

Я помню, как мины и пули летели,
Упал я в огне и дыму.
Кто вынес меня на кровавой шинели?
Я жизнью обязан кому?

Хочу я сказать ему нежное слово,
Запомнить лицо навсегда.
И доктор ответил: «Наверное, снова
Уполз ваш товарищ туда».

Он ночью и днем у переднего края,
Он там, где опасней всего.
«Скажите мне, доктор, а как я узнаю,
Коль встретить придется его?»

«Какой он? Такой же, как вы, сероглазый.
Да что рассказать вам о нем?
А впрочем, его вы узнаете сразу:
Ведь носит он сумку с крестом».

Поведаю я вам заветную думку:
Ребята! В огне и дыму,

Увидев бойца с санитарною сумкой,
Скажите спасибо ему.

г. Дубовка.
Сентябрь 1942 г.

РАЗВЕДЧИК

Лицо, колени, руки разодрав,
Разведчик полз среди колючих трав.
Ему мерещилось, что, как посты,
Стоят вдали осенние кусты.
И прутик, распрямленный ветерком,
Ему казался вражеским штыком.
Но все ж его к окраине села
Светящаяся стрелка привела.
Здесь он узнал, где расположен штаб.
Одна граната меткая могла б
Дошатаый дом отправить прямо в ад.
Но он сдержался. И пополз назад.
Он разбудил майора в три часа.
Прошла по карте света полоса.
А в шесть пятнадцать, опрокинув сон,
В село ворвался первый батальон.
И стали вновь на тропке ветровой
Кусты кустами и трава травой.
Прошел разведчик в предрассветной мгле,
Простуженный, усталый, гордый тем,
Что первым побывал на той земле,
Которая теперь доступна всем.

ВЫСОТА

Знакомые наши места —
Овраги да степи без края.
А дальше в дыму — высота,
По карте — сто двадцать вторая.
Туда мы смотрели не раз,
Кусая засохшие губы.
Впивались во впадины глаз
Бинокли и стереотрубы.
Никто не заметил, как с гор
Прозрачная дымка струится.
Мы видели только бугор
Да вражьих окопов бойницы.
Потом зазвенела зима,
Просторы степей побелели.
Нас ярость сводила с ума,
Когда мы на сопку глядели.
И вот громынуло ура! —
В атаку пошли батальоны.
Уже перед нами гора —
Бегом на колючие склоны,
По трупам немецким вперед!
И — наша седая вершина!
Орудия, вросшие в лед,
Осевшие набок машины.
Впервые заметили мы
Высокое солнце над степью,
Хрустальные травы зимы,
Морозное великолепье.

Так вот как поет и звенит
Донскую мелодию ветер,
Как утренний воздух пьянит,
Как славно живется на свете!
Так вот какова высота!
Ты раньше и ведать не ведал,
Какая вокруг красота,
Коль смотришь глазами победы.

Северо-западнее
Сталинграда

СНАРЯД

В сибирской шахте рудокопы
Суровый разговор вели
О дикарях, что из Европы
На низких танках приползли.
Работа шла быстрее втрое,
Бежала серая руда,
Гремела, как подобье боя,
Страда подземного труда.

Как будто отблеском пожара
Был ночью озарен Урал,
И под рукою сталевара
Потек расплавленный металл.
Он ослепительным потоком
Шел в земляные берега,
Как будто сам в пылу жестоком
Хотел испепелить врага.

Давно уж токаря не спали,
С цилиндров стружка шла вьюном,
И порох задремал в металле
Опасным, беспокойным сном.
О, как мечталось машинисту,
Когда он груз военный вез,
Чтоб, как снаряд, с огнем и свистом,
Летел на запад паровоз.

Вокруг снега легли красиво,
Но люди взмокли от жары.
Смотря в трубу нетерпеливо,
Они держались за шнуры.
Огонь! Стремительно, незримо
Пошел, пошел, пошел снаряд,
Взметнулся горький запах дыма,
Стволы отпрянули назад.

МАТЬ КАЗАКА

Черный выдался день.
Скрылось солнце за тучей туманной,
И в казачий курень
Чужеземец вошел окаянный.
Все разбил, раскидал,
Запорхала по ветру перина.
А старуху прогнал
И порвал фотографию сына.
Мать выходит за дверь,
Наполняясь тоскою бездонной.

Что ей делать теперь,
Одинокой, босой и бездомной?..
Посидит на базу,
Где недавно мычала корова,
Да проглотит слезу,
Да на запад посмотрит сурово...
Видно, доля така:
Горе-горькое ложкой хлебала,
Своего казака
На немецкой войне потеряла.
А последний сынок —
Вся надежда, любовь и забота —
По какой из дорог
Отступает под вой самолета?
Шли тяжелые дни,
И тянулись осенние ночи...
Ты мне счастье верни,
Изгони чужеземца, сыночек...
Наступила зима,
Недобра, как железо, студена.
Вьюга сходит с ума,
Заметает излучину Дона.
Слышен рокот и гром —
Не бывает ноябрьского грома.
Чужеземцы бегом,
Все бросая, бегут мимо дома.
Ненаглядный, бедовый,
Заходит в курень, улыбаясь.
Полушубочек новый

На нем, как броня голубая.
Онемела сперва,
Покачнулась, платок прикусила.
Вдруг прорвались слова,
Что три месяца долгих копила:
«Ты не с той стороны —
Из-за Дона пришел ты не прямо!» —
«Но дороги войны
Нележки и извилисты, мама.
Мы их взяли в кольцо,
Мы от Клетской прошли по налуке».
И целует лицо
И землистые старые руки.
Горек воинский труд.
Мы немало прожили на свете.
Всех нас матери ждут,
И для них мы попрежнему дети.
Все мечтаем мы так
После боя с родной повстречаться,
Как вот этот казак,
Что принес своей матери счастье.

Излучина Дона

ВЬЮГА

Ходит вьюга по степям,
Машет белыми руками,
Заметая тут и там
Танки с черными крестами.

В затуманенную высь,
Наглотавшись снежной пыли,
Пушки мордами впились
И, разбитые, застыли.
Трупы немцев занесло,
Белым саваном укрыло.
Но запомнило село
Все, что здесь недавно было.
А в землянке у огня
Греется боец прохожий,
На тебя иль на меня
Капля в капельку похожий.
Он, пожалуй, не таков,
Как рисуют на плакатах, —
Под глазами гарь костров,
На шинели две заплаты.
Пальцы от махры желты,
Щеки темные колючи.
Лоб прорезали черты
Проходившей в мыслях тучи.
Он, пожалуй, неказист,
Но скажи — с огнем и ветром
Кто прошел под вой и свист
Полтораста километров?
Но скажи, скажи, кому
Был кисет в подарок вышит,
Что ни сутки — по письму
Девушки из тыла пишут?
Сталин на кого глядит,
Как на друга, как на брата?

Не о нем ли говорит
Президент далеких штатов?
Ну, а он в землянке той
Посидит еще немножко,
Пустит в гору дым густой,
Закрутивши козью ножку,
И — винтовку на плечо,
И пошел поближе к бою.
...Вьюга хлещет горячо,
Крутит белой головою,
Заметая тут и там
Прах оружия стального.
Черным не гулять крестам
Возле Дона ледяного!

Излучина Дон

ЗАКОН ТАЙГИ

Поэма

1

Шел я берегом Амура,
Краем Дальнего Восхода,
Шел, пуская дым из трубки,
Чтоб комар меня не трогал.
Стыли черные березы —
Дети каменного века,
И мохнатые фазаны
Из-под ног моих взлетали.
...Это было так недавно,

И давным-давно, быть может.
Это было в годы мира;
В годы счастья и покоя.
Мне казалось — эти чащи
Никогда еще не знали
Ни походки человека,
Ни его веселых песен.
Вдруг раздвинулись лианы,
Будто сами расступились,
И бесшумно мне навстречу
Вышел маленький охотник,
В сапогах из мягкой кожи,
В шапке из осенней белки.
Вороненая берданка
На плече его висела.
Подошел и улыбнулся
Мне нанаец смуглоскулый.
Из раскосых добрых щелок
Черные глаза блеснули.
На сто верст вокруг, быть может,
Мы с ним были только двое,
Потому и подружился .
Скорой дружбою таежной.
У костра духмяной ночью
Мне рассказывал охотник,
Что зовут его Максимом,
Что из рода он Пассаров,
Из нанайского селенья,
Где отец его и братья
В рыболовстве и охоте

Жизнь суровую проводят.
Он рассказывал о крае,
Где текут такие реки,
Что коль вставишь в воду палку,
То она не пошатнется,
Крепко сжатая боками
Рыб, идущих косяками.
Он рассказывал с улыбкой
Об охоте на медведя.
Восемь шкур на жерди сохнут
У него в селенье Найхен.
Я спросил тогда Максима:
«Ты медведя не боишься?» —
«Нет, — ответил мне нанаец, —
У тайги свои законы.
Если зверь на поединке
Голову мою расколет,
Брат пойдет по следу зверя
И его догонит пулей».
Я запомнил эту встречу
В крае Дальнего Восхода,
Встречу с юношей Максимом,
Меткоглазым и бесстрашным.
Звезды яркие горели,
Выпь болотная кричала,
И на берег выбегала
Темная волна Амура.

2

Лед прошел по рекам трижды
С той поры. На нашу землю

Враг ворвался, сея горе
И пожаром полыхая.
Я забыл Амур далекий
И таежные прогулки.
Между Волгою и Доном
Мне пришлось с врагом сражаться.
По степям гуляла вьюга,
Волком воя возле Волги.
На врага мы шли облавой,
Леденя и окружая.
И однажды после боя
Мы в землянке отдыхали,
Валенки свои сушили.
Вдруг, откинув плащ-палатку,
Возле нас возник бесшумно
Маленький боец в шинели,
В шапке из осенней белки.
Он присел и улыбнулся.
Пламя сразу озарило
В узких щелочках живые,
Меткие глаза нанайца.
Командир полка сказал мне
Горделиво: «Познакомься,
Это наш искусный снайпер,
Наш отважный комсомолец,
И зовут его Максимом,
А из рода он Пассаров,
Из нанайского селенья,
Где отец его и братья
В рыболовстве и охоте

Жизнь суровую проводят». Я ответил: «Мы знакомы». И Пассар промолвил: «Точно». И в глазах его раскосых Огонек мелькнул таежный. «Здравствуй, друг. Ты помнишь встречу В крае Дальнего Восхода? Ты, ходивший на медведя, Как с другим воюешь зверем, Что пришел не из берлоги, А из города Берлина?» И нанаец мне ответил: «Я убил их двести двадцать, И покуда жив, я буду Истреблять их беспощадно». Расстегнул шинель нанаец, И на ватнике зеленом Я увидел орден славы — Красное увидел знамя.

3

Рано утром мы с Пассаром. Поползли вперед. На склоне Узкий выдолблен окопчик Среди засохшего бурьяна. Здесь легли мы, наблюдая За равниной. Перед нами Грустная земля застыла, Белым саваном укрыта... Из далекого оврага

Вырывался красный выстрел.
Выл снаряд. И беспрестанно
Щелкали в бессильной злобе
Рядом пули разрывные.
Мы лежали, говорили
Про таежные закаты,
Про амурские уловы
И про лодку оморочку.
Я сказал Максиму: «Знаешь,
По легендам и преданьям,
Бог войны и бог охоты
Был один у наших предков». —
«Нет, война, — Максим ответил, —
На охоту не похожа:
Зверя бил я добродушно,
То был честный поединок.
А теперь с врагом бесчестным,
С волчьей стаей я сражаюсь,
Новое узнав значенье
Слова «зверь». Смотри, товарищ,
Вон спускается с пригорка
Немец. Он меня не видит,
Но ему давно уж пулю
Приготовили уральцы.
И в стволе моей винтовки
Тихо дремлет гибель зверя».
Левый глаз нанаец сузил
Так, что показалось, будто
Он заснул. Но грянул выстрел,
И опять открылись веки.

И сказал Максим сурово:
«Это двести двадцать первый
Кончил жизнь благополучно».
Так мы целый день сидели,
Спрятаны в сухом бурьяне,
Согреваясь водкой, шуткой,
Скорой дружбою военной.
Десять немцев проходили
По открытому пригорку.
Десять трупов на морозе,
Руки разметав, застыли.
«Хорошо! — сказал нанаец. —
День сегодняшней, однако,
У меня прошел недаром.
А теперь пойдем в землянку,
Должен я письмо отправить
Девушке своей любимой,
Что живет у нас в селенье,
Обучая в новой школе
Маленьких детей раскосых.
Я люблю ее так сильно,
Что мне кажется порою —
Эта сила заряжает
Меткую мою винтовку».
У коптилки, сотворенной
Из снарядного стакана,
Медленно писал нанаец
Письмецо своей любимой.

В январе прошла по фронту
 Весть жестокая: убили
 Немцы снайпера Максима,
 Знаменитого Пассара.
 Меткие глаза закрылись,
 Руки твердые повисли.
 Обагрились алой кровью
 Синеватые странички
 Комсомольского билета.
 Девушка из новой школы,
 Как твое утешить горе?
 Он любил тебя так сильно,
 Как фашистов ненавидел.

Мы ушли вперед, на запад,
 Далека от нас сегодня
 Свежая могила друга.
 На земле освобожденной
 Снова лед прошел по рекам.
 И весенним днем прозрачным
 Шел я ходом сообщенья
 К пункту командира роты;
 Надо мной свистели пули,
 И равнина гроыхала,
 Будто по железной крыше
 Ходят в сапогах тяжелых.
 Здесь увидел я сержанта
 С вороненым автоматом.

Этот воин смуглоскулый
Показался мне знакомым.
«Ты нанаец?» — «Да, нанаец». —
«Как зовут тебя?» — «Пассаром,
Иннокентием. Я родом
С дальних берегов Амура». —
«Ты давно уже на фронте?» —
«Нет, недавно. С той минуты,
Как узнал о смерти брата,
Меткоглазого Максима.
Я ведь тоже комсомолец
И ружьем владею с детства».
...Я припомнил край Восхода,
Встречу с маленьким нанайцем
И его рассказ короткий
Про закон тайги суровой:
«Если зверь на поединке
Голову мою расколлет,
Брат пойдет по следу зверя
И его догонит пулей».

Действующая армия.
1943 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Посвящение</i>	3
-----------------------------	---

СТЕПНАЯ ТЕТРАДЬ

<i>Сенокос</i>	4
<i>Станица</i>	5
<i>На Осколе</i>	6
<i>Двое</i>	7
<i>Байрон</i>	10
<i>Фотография</i>	11
<i>Виденье</i>	12
<i>Когда-нибудь...</i>	13

В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

<i>Сталинград</i>	14
<i>Баррикада</i>	16
<i>Борьба за комнату</i>	18
<i>Непрошенный гость</i>	19

ПОДРУГИ

<i>Подруги</i>	20
<i>Июньское письмо</i>	23
<i>Партизанке</i>	24

РАЗГОВОР ВОЛГИ С ДОНОМ

<i>Разговор Волги с Доном</i>	25
<i>Уральцы</i>	26
<i>Наши</i>	27
<i>Часовой</i>	28
<i>Санитар</i>	29
<i>Разведчик</i>	31
<i>Высота</i>	32
<i>Снаряд</i>	33
<i>Мать казака</i>	34
<i>Вьюга</i>	36
<i>Закон тайги (поэма)</i>	38

Редактор *Б. Евгеньев.*

Л43147. Подписано к печати 25/VIII 1943 г.
1¹/₂ печ. л. 2,2 уч.-изд. л. 56.000 зн.
в печ. л. Тир. 25 000. Заказ 1283.

Цена 1 руб.

Фабрика юношеской книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

ЦЕНА 1 руб.

4

V